

Е. С. Соболева

А. П. ФОН ДЕР ОСТЕН-ДРИЗЕН — ПОПЕЧИТЕЛЬ МАЭ В НАЧАЛЕ XX В.

В начале XX в. академик В. В. Радлов успешно внедрял в практику управления вверенным ему музеем некоторые методы работы зарубежных музеев, в частности поиск внешнего финансирования. В 1909–1917 гг. значительную поддержку плановой научной и собирательской деятельности оказывал Попечительный совет при Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого (далее — МАЭ) при Императорской Академии наук (далее — ИАН). Последним его членом оказался Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен.

С 1904 г. В. В. Радлов начал разрабатывать проект положения о попечительных советах при музеях ИАН. На заседании Общего собрания Императорской Академии наук № XIII 14 октября 1906 г. он выступил с предложением выбрать Комиссию для выработки Устава попечительных советов для публичных музеев Академии наук: «Опыт всех музеев показал, что при современных требованиях, предъявляемых как наукой, так и обществом к этим ученым учреждениям, правильное функционирование их оказывается возможным только при широком материальном содействии со стороны сочувствующих им элементов самого общества. Все наиболее замечательные мировые музеи, как Берлинский Museum fuer Voelkerkunde, Нью-Йоркский American Museum of Natural History, Чикагский Field's Columbian Museum и др., уже давно обзавелись особыми попечительными советами из лиц, помогающих этим учреждениям изыскиванием средств для выполнения таких функций, которые являются невыполнимыми при ограниченных суммах регулярного бюджета». Собрание постановило образовать для рассмотрения этого вопроса Комиссию из директоров академических музеев под председательством академика В. В. Радлова¹.

Проект Положения о попечительных советах при музеях Императорской Академии наук был представлен академиками В.В. Радловым, К.Г. Залеманом, Ф.Н. Чернышевым, И.П. Бородиным, Н.В. Насоновым как директорами академических музеев в заседании Общего собрания ИАН № XV 2 декабря 1906 г. и опубликован в приложении к протоколам².

Общее собрание ИАН утвердило 2 мая 1907 г. Положение о попечительных советах при музеях Императорской Академии наук, оно было опубликовано как 1-е приложение к протоколу заседания Общего собрания ИАН № V 10 марта 1907 г. Согласно пункту 4, каждый Попечительный совет под председательством директора соответствующего учреждения мог состоять «не более как из двух представителей ученого персонала данного учреждения по выбору директора и почетных членов в числе не более пяти для каждого учреждения»³.

Министр народного просвещения А. Шварц 27 февраля 1908 г. утвердил Положение о попечительных советах при музеях и других ученых учреждениях Императорской Академии наук, с разрешения императора это положение было приведено в действие, текст его напечатан как 1-е приложение к протоколу Общего собрания ИАН № III от 1 марта 1908 г.⁴

Впоследствии Общее собрание ИАН на заседании № III 5 марта 1911 г. согласилось с доводами В.В. Радлова о необходимости редакции отдельных параграфов: «На практике оказалось, что некоторые члены переселились из Петербурга или живут постоянно за границей, и это препятствует правильному функционированию советов. Поэтому прошу Конференцию внести на утверждение следующее примечание к § 4: “В случае, если некоторые почетные члены Совета поселятся постоянно за границей или вне Петербурга, число иногородних членов может быть пополнено соответствующим числом имеющих постоянное жительство в Петербурге”. Положено было в § 3 Положения откинуть слова “в числе не более пяти для каждого учреждения” и представить это изменение на утверждение г. министра народного просвещения (протокол 1 марта 1908 § 45)»⁵. Министр народного просвещения 18 октября 1911 г. утвердил измененную редакцию и разрешил исключить из § 3 утвержденного 27 августа 1908 г. Положения о попечительных советах при музеях и других ученых учреждениях Императорской Академии наук определение числа почетных членов советов (заседание 5 марта 1911 г. § 90). Положение в новой редакции было опубликовано как 1-е приложение к протоколу заседания Об-

щего собрания ИАН от 5 ноября 1911 г. и в Памятной книжке на 1912 г.⁶ При этом по-прежнему подчеркивалось, что «почетные члены утверждаются в своем звании по представлению соответствующего директора президентом Императорской Академии наук на пять лет и получают за его подписью диплом на это звание. По истечении пятилетнего срока они могут быть представлены на новое пятилетие», а также «для успешного выполнения своего назначения советы имеют право избирать с согласия президента Академии наук членов-соревнователей (корреспондентов — первая формулировка. — Е. С.), которым выдаются дипломы на это звание за подписью президента». В депозитах соответствующих учреждений должны были храниться собранные советами денежные средства, ассигнования их производиться по заявлению соответствующего директора в Совете, сведения обо всех оплаченных советами расходах, связанных с научными предприятиями, сообщаться Конференции Академии и отражаться в ежегодном отчете о деятельности Попечительного совета при вверенном ему ученом учреждении.

Уже в мае 1907 г. В. В. Радлов с разрешения Историко-филологического отделения ИАН приступил к организации Совета МАЭ⁷. Государственный совет принял решение о создании Попечительного совета МАЭ во главе с председателем — директором В. В. Радловым; по инициативе последнего был введен институт «члена-корреспондента МАЭ» в отечественном и зарубежном вариантах. Эти нововведения были частью проекта развития музея, разработанного В. В. Радловым к празднованию 200-летию Санкт-Петербурга и получившего одобрение Историко-филологического отделения ИАН 13 мая 1909 г.⁸

Первое заседание Попечительного совета о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого состоялось 21 апреля 1909 г. в составе председателя Совета директора МАЭ В. В. Радлова, представителя ученого персонала старшего этнографа МАЭ Л. Я. Штернберга и почетного члена инженера-технолога Ф. Ю. Шотлендера. Первый попечитель МАЭ поддержал проект создания в МАЭ нового отдела (галереи Петра Великого). В здании по Таможенному переулку был надстроен третий этаж, закуплена экспозиционная мебель и оборудованы рабочие кабинеты.

21 января 1910 г. академик В. В. Радлов обратился к ИФО с просьбой «установить новый порядок награждения крупных жертвователей Музея антропологии и этнографии орденами, а именно предостав-

лять возбуждение ходатайства о таких награждениях Попечительскому совету при Музее, без внесения этих ходатайств на рассмотрение Конференции», и это предложение было одобрено ИФО⁹.

Первый успешный проект Попечительского совета не мог не привлечь внимания властей. 13 декабря 1911 г. академик В.В. Радлов как председатель Совета обратился к Его Императорскому Высочеству Августейшему президенту Императорской Академии наук Великому Князю Константину Константиновичу с просьбой утвердить Его Императорское Высочество Александра Георгиевича князя Романовского герцога Лейхтенбергского в звании и обязанности почетного члена Попечительного о Музее антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого совета¹⁰, затем 7 марта 1912 г. — к министру народного просвещения, чтобы испросить Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на принятие князем Романовским этого звания¹¹.

К концу 1913 г. личный состав Попечительского совета выглядел следующим образом: почетный председатель — Его Императорское Высочество князь А.Г. Романовский герцог Лейхтенбергский, председатель — В.В. Радлов. Почетные члены — И.И. Леман, барон Ф.Е. Мейендорф, д-р Герман Мейер (Германия), В.В. Святловский, Ф.Ю. фон Шотлендер, действительный статский советник Э.Л. Нобель, причисленный к Государственной канцелярии дворянин Б.А. Игнатъев. Представитель ученого персонала — ст. этнограф Л.Я. Штернберг. Из депозита Совета были выделены средства на приобретение новых коллекций, командировки лиц персонала МАЭ, пополнение инвентаря и другие хозяйственно-административные расходы, покупку и переплеты книг, изготовление альбомов Музея для поднесения высочайшим особам, добавочные расходы по регистрации, составлению каталогов, награды служащим, почтовые расходы и рассылки¹².

После вступления России в Первую мировую войну в составе Попечительного совета произошли серьезные перемены. Скончался Ф.Ю. фон Шотлендер. Почетный председатель князь А.Г. Романовский отбыл в действующую армию, Б.А. Игнатъев — на театр военных действий в качестве уполномоченного Красного Креста. Почетный член (с 1914 г.) К.К. Шейблер был увезен из Лодзи в Германию в качестве военнопленного. Последними вошли в состав Попечительного совета британский подданный промышленник Джон Мюргед (с 1915 г.) и Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (с 1916 г.).

О деятельности последнего имеются крайне скудные сведения в документах СПбФА РАН (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН) и РГИА (Российский государственный исторический архив).

Русский баронский род фон дер Остен-Дризен происходит из Пруссии. Генрих Бурхард фон дер Ост получил в 1330 г. от маркграфа бранденбургского город и замок Дризен в наследственное владение. Потомки их приняли фамилию Дризен. Род Дризен внесен в матрикул курляндского дворянства и родовую книгу Калужской губернии¹³. Многочисленные фон дер Остен-Дризены проживали в Санкт-Петербурге, Варшаве, Витебске, Двинске, Митаве, Тобольске, Туркестане¹⁴.

Согласно делу канцелярии Министерства Императорского двора «О бывшем камер-юнкере бароне П.Г. фон дер Остен-Дризен» (9.01.1898–30.07.1908), его отец Павел Густавович Остен-Дризен, коллежский советник в отставке, барон, был замешан в финансовом скандале и в мае 1892 г. исключен из списков камер-юнкеров, хотя ранее 15 лет носил это звание; он долгое время проживал за границей, где познакомился со своей будущей женой Ольсоной. Как писал в донесении полицейский надзиратель сыскной полиции Купцов, «П.Г. фон дер Остен-Дризен — 48 лет, лютеранского вероисповедания, женат на дочери Санкт-Петербургского первой гильдии купца Ольсоны Елизавете Федоровне, имеет дочь 18 лет, сына Анатолия 23 лет (подпоручик Л.-гв. Преображенского полка). Тесть, Федор Иванович Ольсоны, умерший в 1888 г., завещал принадлежавший ему под № 36 по Гороховой ул. дом второй дочери своей, Наталии Федоровне, состоящей в замужестве за полковником Виталием Платоновичем Целебровским, чтобы она по погашении долга по этому дому Санкт-Петербургскому кредитному обществу в 1901 г., выплатила бы сестре своей Елизавете и ее детям 225 тыс. руб., а до того времени чтобы доход от этого дома делился между ними пополам, и барон Дризен по доверенности своих детей и жены состоит заведующим их состоянием. С полковником Целебровским он вследствие дележа наследства состоит в наихудших отношениях и ведет с ним в течение последних лет постоянную судебную войну, а в доме они имеют, каждый от себя, отдельного старшего дворника и управляющего. Дом приносит до 70 тыс. руб. валового дохода в год, и из них до 50 тыс. руб. чистого.

Семья барона Дризен, т.е. жена и дочь, живут постоянно в Финляндии в собственном их имении Маймес, близ ст. Перкьярви, а он сам под предлогом неустанного наблюдения за домом живет посто-

янно в Петербурге в «Европейской» гостинице, где занимает номер и платит за него по 2 руб. 75 коп. в сутки и только в воскресенье едет в имение. Жена его с ним также в натянутых отношениях, и он, по ее словам, только расстраивает ее своими приездами. В Петербурге барон Дризен, по слухам, имеет любовницу.

Других занятий, кроме заведывания состоянием своих друзей, он в настоящее время не имеет.

В 1880 — начале 1990-х годов Дризен занимался частной адвокатурой и проведением различных дел в высших инстанциях, причем, по слухам, где не мог взять правом, то, пользуясь своим придворным званием, чуть ли не требовал исполнений желаемого, по Высочайшему повелению.

Состоя в то время опекуном князя Константина Константиновича Голицына, человека хотя и совершеннолетнего, но страдающего алкоголизмом и ослабленной волей, пользовался, по его словам, своим в отношении Голицына положением и прижимал выдачей денег ему, принуждал этим подписывать его наполовину вымышленные отчеты, не клонившиеся в пользу Голицына. Будучи также поверенным умершей матери Голицына и гражданским с ее стороны истцом в деле присяжного поверенного А. И. Звездочетова, не рассчитался с ней вполне по окончании этого процесса, во время которого на суде выяснилось немало некрасивых и неблагоприятных по отношению как к Звездочетову, так и Голицыным действий. Между прочим, по словам того же Голицына, Дризен поручал взводить на Звездочетова вымышленные им самим обвинения.

Характером барон Дризен обладает крайне беспокойным и, если так можно выразиться, сутяжническим»¹⁵.

В деле РГИА «Об определении на службу в кабинет Его Величества, с причислением к оному, отставного коллежского советника Павла фон дер Остен-Дризена» содержатся некоторые биографические сведения: Павел Густавович фон дер Остен-Дризен родился 22 февраля 1849 г.¹⁶ и скончался 18 июня 1898 г. в Санкт-Петербурге. Вероисповедания евангелическо-лютеранского. «Свидетельство о смерти выдал округ Санкт-Петербургской евангелическо-лютеранской консистории. Paul Constantin Robert von der Osten Drisen, барон, отставной коллежский советник, женатый, родился в Санкт-Петербурге. 18 июня 1898 г. в 10 час. умер в Санкт-Петербурге от грудной жабы в 49 лет 3 мес. и 26 дней. Обряд погребения совершил пастор Ферман 21 июня 1898 г. в 2 час. на Волковском кладбище»¹⁷.

Из этого же дела стало известно, что его сын Анатолий (род. 7 августа 1872 г.) пожалован в пажи к Высочайшему двору¹⁸. Дочь Елизавета родилась 2 сентября 1875 г.¹⁹

А.П. фон дер Остен-Дризен принял решение войти в Попечительный совет, когда МАЭ находился в тяжелом положении: часть персонала была мобилизована на фронт, не хватало дров для отопления помещения, продуктов питания и самых необходимых вещей. Так, 23 января 1916 г. директор В.В. Радлов докладывал правлению ИАН: «Сим сообщаю, что благодаря содействию членов Попечительного совета стал получать уголь и Музей с соблюдением соответствующей предосторожности стал отапливаться, и на этой неделе оказалось уже возможным открыть Музей для публики. Коллекции и мебель, кстати, не пострадали. Ввиду того что заказанный Академией уголь еще не получен, прошу разрешения правления на продолжение доставки через посредство Попечительного совета и распоряжения, чтобы прием угля, независимо от источника поступления, контролировался как со стороны качества, так и количества. Вместе с тем прошу, чтобы для отопления Музея был нанят особый истопник, какового сейчас не имеется, и его обязанности исполняет водопроводчик, постоянно отрываемый от дела, вследствие чего отопление прерывается и нельзя поддерживать в Музее постоянную температуру»²⁰.

24 сентября 1916 г. В.В. Радлов обратился с письмом к барону фон дер Остен-Дризену, Э.Л. Нобелю, Б.А. Игнатьеву и другим почетным членам Попечительного совета с просьбой покрыть подпиской недостающую сумму в 55 тыс. руб. (на добровольное жалование вольнонаемным служащим в связи с возрастающей дороговизной, финансовую поддержку экспедиций)²¹.

Тот факт, что попечители МАЭ приняли А.П. фон дер Остен-Дризена в свою среду, свидетельствует в его пользу. Направления деятельности Совета, очевидно, казались новым членом важными и полезными. Поддерживая развитие русской этнографической, антропологической и археологической науки, попечители решали и свои профессиональные задачи (К.К. Шейблер — проникновение на новый рынок), и личные проблемы (семья Ф.Ю. Шотлендера была возведена в потомственное дворянство). Несомненно, деловые люди, промышленники, представители правящей элиты убедились в позитивных результатах работы дирекции и коллектива МАЭ, в реальности тех стратегических планов, которые последовательно воплощал в жизнь академик В.В. Радлов, за 22 года директорства собравший

200 тыс. руб. частных пожертвований на экспедиции, коллекции и постройку нового этажа. К 1917 г. МАЭ предстояло реорганизовать и в три раза увеличить выставочные площади за счет переезда в помещение бывшей Кунсткамеры (откуда Библиотеку Академии наук предстояло переместить в специально возведенное здание), продолжить пополнение старых собраний и собрать новые для вновь проектируемых отделов, снарядить большие экспедиции в отдаленные районы, увеличить штат.

С 1907 г. МАЭ отправлял экспедиции на пожертвования членов Попечительского совета. Так, в 1914–1916 гг. на средства Б.А. Игнатьева была приобретена ценная коллекция М.С. Андреева по религии Индии; снаряжена продолжительная экспедиция Л.А. и Г.Х. Мерварт на о. Цейлон и в Индию, которым было «поручено, кроме изучения населения в лингвистическом и этнографическом отношениях, собрать полные коллекции по быту, искусству и религии народов Индии, каковые коллекции должны образовать в Музее особый отдел им. Государя Императора». На средства К.К. Шейблера и отчасти Э.Л. Нобеля были командированы в интересах Музея следующие лица: Г.Г. Манизер, Ф.А. Фиельструп и др. — в Южную Америку для собирания коллекций в Аргентине, Бразилии и Парагвае; С.Д. Майнагашев — для собирания коллекций среди минусинских инородцев; И.М. Суслов — в Туруханский край; Д.Д. Иевлев и Г.Д. Федоров — для собирания коллекций среди самоедов, В.М. Лемешевский — в Париж для работ в Сен-Жерменском музее²². В 1916 г. также субсидировались экспедиция С.М. и Е.П. Широкогоровых, которые обследовали ороченов северо-западной Маньчжурии, маньчжуров, дауров и солонов. В.А. Ивановым, последним получившим также субсидию из общемузейных средств, была собрана интересная коллекция по керамике и археологии Бухары (139 пр.). Издан «Путеводитель» по Северной и Средней Америке и подготовлена к печати большая монография о старинных коллекциях Музея по тлинкитам и другим народам Северо-Западной Америки²³.

В связи с поставленными перед МАЭ задачами был увеличен штат Музея. Обстоятельства военного времени вызвали сокращение поступавших от Попечительского совета сумм, который уже не мог содержать служащих МАЭ. Требовалось увеличить зарплату сотрудникам, которые работали практически бесплатно — из любви к науке, за минимальную плату. Рост дороговизны жизни приводил к тому, что служащие уходили из МАЭ, в том числе в частные учреждения²⁴.

Бюджет, казавшийся вполне удовлетворительным в период разработки нового штата, вскоре после издания оказался несоответствующим разросшимся в связи с новыми обстоятельствами нуждам Музея. Из штатных сумм надо было также поддерживать экспедиции, начатые на средства Совета до войны.

К концу 1916 г. положение дел ухудшилось настолько, что директор МАЭ 2 декабря 1916 г. и 25 января 1917 г. просил председателя Особого совещания по продовольствию г. Петрограда и его района выдать сахар для заседаний членов Попечительного совета в количестве 10 чел. и чай для служебных часов служащих МАЭ (ежедневно — 24 чел.)²⁵.

С 25 февраля 1917 г. А. П. фон дер Остен-Дризен как член Попечительного совета неоднократно приглашался в МАЭ на заседания. Конкретных сведений о его вкладе в развитие МАЭ нет. События в Петрограде приобрели неуправляемый характер после отречения Николая II от престола 2 марта 1917 г. В конце концов барон Анатолий Павлович фон дер Остен-Дризен (согласно РГИА, род. 7 августа 1872 г.) оказался в Париже, где скончался 3 декабря 1932 г. после непродолжительной болезни и был похоронен 7 декабря 1932 г. на кладбище Батиньоль²⁶.

1. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФА РАН). Ф. 1. Оп. 1а (1906). Ед. хр. 153. Л. 68 об.—69.

2. Там же. Л. 83 об.

3. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1907). Ед. хр. 154. Л. 34—35 об.

4. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1908). Ед. хр. 155. Л. 19 об.

5. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1911). Ед. хр. 158. Л. 39—39 об.

6. Там же. Л. 70 об.

7. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1907). Ед. хр. 154. Л. 338.

8. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1909). Ед. хр. 8. Л. 2.

9. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1910). Ед. хр. 157. Л. 342 об.

10. СПбФА РАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 66.

11. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1912). Ед. хр. 8. Л. 19.

12. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1912). Ед. хр. 161. Л. 402 об.

13. *Шуныгина Е. В.* «Для Отечества и за честь — всё!» Семья баронов Остен-Дризен в Петербурге // Немцы Санкт-Петербурга: Наука, культура, образование. СПб., 2005. С. 493—504.

14. Немцы в России: Энциклопедия. М., 1999. Т. 1. С. 740.

15. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 472. Оп. 194/2682. Ед. хр. 36. Л. 69—81.

16. РГИА. Ф. 4668. Оп. 29. Ед. хр. 260. 20.02.1898—18.07.1898. Л. 3.

17. Там же. Л. 10.
18. Там же. Л. 6.
19. Там же. Л. 6 об.
20. СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 240.
21. Там же. Ед. хр. 44. Л. 61.
22. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1915). Ед. хр. 162. Л. 421.
23. СПбФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а (1916). Ед. хр. 163. Л. 427.
24. СПбФА РАН. Ф. 2. Оп. 1 (1916). Ед. хр. 8. Л. 27.
25. СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (1918). Ед. хр. 69. Л. 430, 470.
26. Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков. М., 2004. Т. 5. С. 272.